

Данилов Е.С., Жаровская А.Н.

Фάσμα (imago) Брута: опыт семантического анализа

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1967>]

[Публикация работы:]

Данилов Е.С., Жаровская А.Н. 2011: Фάσμα (imago) Брута: опыт семантического анализа // Реальность. Ретроспекция. Реконструкция: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 40-45.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Φάσμα (imago) Брута: опыт семантического анализа¹

С именем Марка Юния Брута обычно ассоциируется представление о роковом предательстве. Его личность, как и кризисная эпоха, в которую он жил, породила немало легенд. Чего стоит хотя бы известное обращение умирающего Цезаря к Бруту: «И ты, дитя мое?», – которое покоится на позднейшем приукрашивании трагической истории (*Suet. Caes.* 82. 2; *Dio Cass.* XLIV. 19.5). В данной работе мы сделаем попытку проанализировать смысл знаменитого видения Брута перед битвой при Филиппах 42 г. до н. э. и развенчать связанные с ним мифы.

Наиболее подробные сведения о данном событии мы встречаем у Флора, Плутарха и Аппиана. Все три автора при описании видения Брута придерживаются единой схемы: время – ночь, место – палатка полководца в военном лагере, обстоятельства – бодрствование Брута. Однако Плутарх и Аппиан говорят о двух видениях, а Флор только об одном. Описание самого видения отличается в существенных деталях. У Аннея Флора – это «*atra quaedam imago*» (некий темный призрак – II. 17. 8). У Плутарха – «*δεινὴν καὶ ἀλλόκοτον ὄψιν ἐκφύλου σώματος*» (страшное, необычайное видение сверхъестественного тела – *Plut. Brut.* 36), «*τὸ φάσμα*» (призрак – *Plut. Caes.* 69; *Brut.* 48) и «*ὄψιν εἶδε φοβεράν ἀνδρὸς ἐκφύλου τὸ μέγεθος καὶ χελεποῦ τὸ εἶδος*» (видение страшного человека огромного роста и сурового на вид – *Plut. Caes.* 69). У Аппиана просто «*ὄψιν*» (видение) и «*φάσμα*» без отличительных черт (B. C. IV. 134).

Вначале обратим внимание на характер указанного явления. Здесь можно предложить ряд объяснений.

1. Вполне возможно, что среди некоторых современников Брута и позднейших авторов была распространена мысль о сверхъестественной природе imago Брута. Популярность данного положения связана с иррациональной верой людей в потусторонний мир. Достаточно вспомнить Одиссея, который приманивал кровью жертвенных животных души умерших, явившихся

ему как привидения (*Hom. Od. XI. 35–43*). Павсаний приводит рассказ о мстительном призраке побитого камнями человека, который предавал смерти жителей Темесы (*Paus. VI. 6.7–11*). Для Уильяма Шекспира было очевидно, что перед Брутом предстал дух убитого Цезаря (Юлий Цезарь. IV.3).

2. Вещий характер видения Брута мог носить и форму сна. По крайней мере, его описание Плутархом очень напоминает то, как Аристофан представлял сновидение: «О, черносияющий мрак ночи! Что за несчастный сон посылаешь ты, из глуби незримого Аида вышедший, душу имеющий бездушную, дитя черной Ночи, наводящее дрожь ужасное видение, черноодетый, убийственный, жуткого вида...» (*Aristoph. Ran. 1331–1339*. Пер. Н. Цветкова). Все сны, согласно Макробию, можно подразделить на несколько видов. По данной классификации, сновидение Брута относится к категории снов-призраков (*φάντασμα*). Макробий писал, что *φάντασμα* возникает между бодрствованием и глубоким сном. У человека в это время стираются границы между сном и реальностью. Сон-призрак может быть наполнен фантастическими фигурами². Более того, человек может ощущать физическое воздействие этих вымышленных существ на себе. Это придает спящему уверенность, что все происходит в реальности (*Macrob. In Somn. I.3.2*)³. По мнению античного писателя, такие сны не относятся к группе предсказательных, хотя сам Марк Юний Брут мог придавать своим видениям огромное значение и проецировать их в будущее⁴. Философ-материалист Томас Гоббс, рассуждая о призраках, пришел к выводу, что видение Брута было лишь коротким сном⁵.

3. В ходе военной кампании психологическое состояние Марка Брута ухудшалось, душевная организация этого человека не выдерживала эмоционального напряжения. В результате его начали посещать видения. Первое из них он ощутил близ Абидоса, перед переправой через Геллеспонт. Аппиан рассказывает, что Брут увидел образ в полутьме, проснувшись ночью (*App. В. С. IV. 134*). В современной медицине видения, возникающие при переходе от сна к бодрствованию, соответствуют гипнопомпическим галлюцинациям. Симптомы психического истощения Брута сходны с теми признаками, которые проявлялись у Гая

Калигулы. Принцепс, как и Брут, не отличался особым здоровьем. Его мучила бессонница, он спал не больше чем три часа подряд, да и то беспокойно. Однажды ему приснилось, будто с ним разговаривает какой-то морской призрак (*pelagi specie[m] – Suet. Calig. 50.2*). В качестве альтернативной причины галлюцинаций у Брута мог, как пишет Анна Берне, служить приступ малярии⁶. Однако она не обосновывает свою позицию, и мы можем лишь догадаться, что на возможность такого варианта указывает болотистый характер местности близ города Филипп, где видение появилось второй раз (*App. B. C. IV. 105,106,107,111*).

Мы, в свою очередь, склонны квалифицировать предполагаемые видения Брута лишь как литературный вымысел. Для обоснования этой четвертой точки зрения вновь обратимся к приведенным гипотезам.

1. Мысль Шекспира о «призраке» слабо отражает духовные представления человека Античности. Выводя призрак на театральные подмостки, драматург пытался привести пьесу в соответствие с запросами европейской публики XVI в. К тому же никто из древних авторов четко не связывает видение Брута с явлением призрака. Слова «*imago*» и «*φάντασμα*» могут означать и просто «образ», «явление» или «сновидение»⁷. Для историков II в. это скорее *malus genius*, *δαίμων κακός*, или злой гений. Здесь возникает проблема в интерпретации текстов, так как римский гений и греческий демон не одно и то же. У римлян *genius* как сверхъестественное существо олицетворял жизненную силу и являлся духовным покровителем мужчин. Демонами называли всех богов, не имевших собственного имени. Лишь в одном смысле гений и демон фактически идентичны – в значении ангела судьбы. Соответственно *δαίμων κακός* – это несчастная судьба⁸, *malus genius* – знамение конца жизни, а видение Брута – это божественный посланник, предвестник его гибели.

2. Римляне были по отношению ко многим вещам материалистами даже большими, чем Гоббс, и там, где эллины проявляли неподдельное удивление, квириты показывали холодное благочестие. Цицерон не видел ни одной причины, по которой следует верить в сны (*Cic. Div. II.120*). Кассий, соратник Бру-

та, не верил в существование духов и считал, что его друг просто измучен непосильными трудами (*Plut. Brut. 37*). Странно, что в таком окружении Брут проявлял подобную мнительность. К тому же если бы он поделился с кем-нибудь своим беспокойством по поводу видений, то это могло отрицательно сказаться на боеспособности его воинов⁹. Нельзя игнорировать и тот факт, что все три историка прямо указывают на бодрствование Брута.

3. Версия Берне о малярии не объясняет первое из двух видений. С другой стороны, галлюцинации как результат перенапряжения могли иметь место. Но мы не можем не учитывать недоказуемость выдвинутой нами же гипотезы, а потому обращаемся к более взвешенной концепции.

Рассмотрим эпитеты призрака в художественном контексте, учитывая цели авторов, вписавших сцену видения Брута в свое повествование.

Первый эпитет – *atra* (темный). Черное обличие привидения наиболее распространено в античных описаниях (*Aesch. Supp. 888; Eur. Alc. 843; Phlegon. II. 5*). Так, по сообщению Зосима, некий призрак в виде черного чудовища появился во время легендарной войны между римлянами и альбанцами, когда обе стороны готовились к битве, и приказал принести жертвы подземным богам (*Zos. II. 3.1–2*). Видимо, указанный цвет частично связан с предзнаменованием траура, но не носит принципиального значения и скорее относится к литературной традиции. Например, призраки в белых одеждах появлялись в год начала Второй Пунической войны около города Амитерна, в области сабинов, и тоже вызвали повсеместный страх (*Liv. XXI. 62. 5*). Не случайно, что Аппиан и Флор параллельно с упоминанием об *atra imago* приводят историю несчастного эфиопа, который был изрублен лишь потому, что встретился суеверным воинам Брута, посчитавшим его предвестником гибели.

Второй эпитет – *δεινός* (ужасный). Примечательно, что Плутарх использует образ страшного привидения и в жизнеописании Диона. Это было одним из критериев, по которому автор сравнивал сиракузянина и римлянина. Диону явился жуткий дух в виде высокой женщины с метлой. Так божество возвестило

ему близкую кончину (*Plut. Dion. 2,55*). У Лукана спящему на корабле Помпею является призрак его покойной жены Юлии¹⁰, который предсказывает ему гибель в гражданской войне (*Luc. III. 1–45*).

Третий эпитет – μέγεθος (исполинский). Существа, обладающие неестественно большим ростом, с древности приобщались молвой к недобрым силам. Титан Атлант славился коварством (*Hom. Od. I.52*). Геракл освободил людей от великана-убийцы Антея (*Apollod. II. 5.11*). Гиганты за свои преступления были уничтожены богами (*Ovid. Met. I. 152–156*). Жестокий дух-великан встречается в истории Геродота (VI. 117). В эпоху Тацита внезапное появление призрака выше человеческого роста считалось тревожным знаменем (*Tac. Hist. I. 86*). Дион Кассий описывает огромного призрака, представшего перед Друзом, как символ предостережения о скорой смерти полководца (LV.1.3).

Таким образом, становится очевидно, что для Флора, Плутарха и Аппиана поражение республиканцев было предопределено свыше. Поэтому они ввели в свое повествование элемент риторики – необратимые знаменья, свидетельствующие о совершении непростительного греха и гнев божества. Мы придерживаемся того мнения, что письменная традиция о видении Брута является продуктом тенденциозного творчества льстивых историков¹¹. Она основана на предвзятых измышлениях, частично почерпнутых из народной молвы. Фасца Брута выступает как литературное клише, инструмент имперской пропаганды по очернению республиканцев.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 и при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а.

² «Быть в страхе – сон неблагоприятный, потому что напуганный человек не может постоять за себя: обрекая душу и тело, он теряет волю к сопротивлению, и тем быстрее случается с ним то, чего он опасался» (*Artem. Op. III. 43*. Здесь и далее пер. М. Л. Гаспарова). «Все чудесное и невозможное означает, что надежды обманут и не сбудутся» (*Artem. Op. IV. 47*).

³ Эту же характеристику фантасма мы встречаем у средневекового философа Боэция Дакийского, но в более рационалистической трактовке (*Boet. De sompn.* 84–88. Пер. А. В. Апполонова).

⁴ Суждение о ложности или истинности сновидения строили исходя из статуса того, кому оно приснилось. Представление о важности сновидений вождей, царей, полководцев – словом, лидеров, отвечающих не только за себя, но и за подчиненных, – свойственно практически всем архаическим культурам. Но и во II в. н. э. Артемидор в «Онейро-критике» повторяет это положение (I. 2).

⁵ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. М., 1991. С. 14.

⁶ Берне А. Брут. Убийца-идеалист / пер. с фр. Е. В. Головиной. М., 2004. С. 337.

⁷ «Призрак – это то, что кажется нашим мыслям, как это бывает во сне» (*Diog. Laert.* VII. 1. 50. Пер. М. Л. Гаспарова).

⁸ «Поистине тебя многострадальной / Твой тяжкий демон сделал» (*Eur. Нес.* 720. Пер. С. Алта). Подробнее см.: Махов А. Е. HOSTIS ANTI-QUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М., 2006. С. 123–124.

⁹ Следует напомнить, что авторитет Брута в армии был не настолько велик, чтобы заставить солдат беспрекословно подчиняться. Скорее наоборот: боясь, как бы воины не вышли из-под контроля, Брут был вынужден им потакать (*Циркин Ю. Б.* Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб., 2006. С. 137). Мало вероятно, что при такой ситуации слухи о нездоровом видении Брута сыграли бы ему на руку.

¹⁰ «Plena horrore imago» – «исполненный ужаса образ» (*Luc.* III. 9).

¹¹ Да и как могло быть иначе в условиях политической системы Принципата? Когда при императоре Тиберии историк Кремуций Корд посмел в своих анналах похвалить Брута и назвать Кассия последним римлянином, его вынудили покончить жизнь самоубийством (*Tac. Ann.* IV. 34–35).